

Когда настала пора объявить имя преемника, третий принц пустым взглядом уставился в пол. Губы его были полуоткрыты, а ладони покрылись холодным потом — так он всегда выглядел в минуты крайнего нетерпения и надежды.

Император произнес:

— Старший сын благороден и доблестен, чтит заветы предков и любим народом. Ему надлежало бы взойти на престол, однако из-за спасения нашей особы он пропал без вести... Посему решение изменяется, и преемником объявляется...

На этих словах сжали кулаки не только третий принц, но и четвертый с шестым. Шестой принц надеялся, что Император по старшинству назначит наследником второго брата: если старшего брата захватили кидани, то по возвращении второй брат наверняка уступит ему престол. У четвертого принца сердце заходило в груди, но он не забывал поворачиваться к третьему принцу с ободряющей улыбкой, пытаясь успокоить его.

На самом же деле четвертый принц испытывал противоречивые чувства. Столько лет он без малейшего достоинства прислуживал третьему принцу, словно лишь ради этого неожиданного мига. Семья Тун из всех сил строила козни, пытаясь свалить наследного принца во время проведения Нового закона, но безуспешно. Кто бы мог подумать, что все решит такая случайность! Третий принц и впрямь отмечен небесной волей. Стоит ему взойти на престол, и годы унижений четвертого принца окупят прижизненным богатством и высоким положением.

Но почему-то в глубине души он тайно надеялся, что Император выберет второго принца.

Взгляд Императора медленно скользнул по четверем сыновьям и замер на лице седьмого принца.

— ...преемником объявляется добродетельный князь Нин, а сановники — и гражданские, и военные — обязаны единодушно помогать ему...

Эти едва слышные слова прозвучали подобно громовому удару, потрясшему весь лагерь!

Шестой и четвертый принцы в изумлении повернулись к седьмому брату. Третий принц стоял словно испепеленный молнией; лишь спустя долгие мгновения он одеревеневши повернул голову и свирепым, полным ярости и удивления взглядом уставился на нового наследника.

Чиновники и военачальники в шатре оцепенели. Кисть военного министра зависла в воздухе — поле после слов «преемником объявить» так и оставалось пустым. Наследование престола у ханьцев издавна определялось старшинством и законнорожденностью. Нарушение этого порядка Императором обычно приводило к великой смуте при дворе и отчаянным протестам чиновничества. За этим кроются не только формальные причины — уважение чиновников-ханьцев к ритуалу, — но и скрытые интересы различных влиятельных группировок.

Если нарушить правило и заменить правило «по старшинству» на «по добродетели», исчезнет единая понятная для всех мера, ведь «добродетель» можно просто разыграть в угодность правителю. Это не только повлечет вражду между августейшими братьями, но и заставит сановников делиться на клики, устраняя неудобных, что пошатнет сами основы государства.

Однако ныне сложилась особая ситуация: все привезенные Императором чиновники принадлежали к партии наследного принца — их взяли для противовеса влиянию дяди третьего принца. Военный министр, едва узнав о ранении государя, уже размышлял о

престолонаследии. Если по правилам сделать наследником второго принца, то при его характере тот неминуемо превратится в марионетку фракции тун-фэй или вовсе забросит государственные дела, обрекая сторонников наследного принца на разгром.

Потому никто из присутствующих чиновников не стал бы просить Императора назначить второго принца. Напротив, они надеялись, что правитель обойдет второго и третьего принцев и выберет нового наследника из числа младших принцев, близких к наследному принцу. Чтобы противостоять семье Тун, новый преемник должен быть твердым и решительным. Пятый принц казался лучшей кандидатурой, а первой задачей было как можно скорее выменять заложников у киданей.

В глазах министров шестой принц был слишком податлив и старался никого не обидеть — такого на престоле не удержать.

И все же никто не ожидал, что Император выберет не второго и не пятого принца, а седьмого принца. Для придворных этот выбор был подобен тому, как если бы проголодавшемуся правителю подали блюдо с рыбой и блюдо с говядиной, а он решил пойти на улицу и грызть кору деревьев.

Славой вундеркинда седьмой принц гремел еще в прежние годы, и простой народ питал к нему уважительные иллюзии. Однако осведомленные придворные никаких иллюзий не питали. Поступки и мысли маленького принца всегда выходили за рамки чьего-либо понимания, отличаясь взбалмошностью и своеволием. Не говоря уже о том, сможет ли этот мальчуган помочь партии наследного принца сдержать натиск сторонников третьего принца — даже если сдержит, сановники не верили, что столь витающий в облаках ребенок способен вынести тяжесть управления государством.

И потому в этот миг не только третий принц и Тун Нинчжао были против выбора, но и остальные министры из партии наследного принца не могли принять нового преемника. Весь шатер замер в цепенящем тупике.

Однако возразить никто не смел. Император держался на последнем издыхании; попытаться кто перечить — и вспышка гнева государя в мгновение ока привела бы к катастрофе. А казнь девяти колен рода — слишком жестокая цена, к тому же смельчак просто стал бы жертвой для укрепления авторитета нового наследника.

Сановники ждали. Ждали, когда разум Императора прояснится — авось тот перестанет «грызть кору» и вернется к рыбе да говядине.

Однако передумать государь так и не изволил — он просто отпустил всех взмахом руки. Император повелел остаться лишь седьмому принцу, чтобы дать ему личные наставления.

Все удалились с поклоном, а седьмой принц так и остался стоять на коленях. Насупив брови, он с суровым видом разглядывал ковер, словно размышлял о важнейших государственных делах.

Император с трудом похлопал по краю ложа и произнес:

— Лу Цянь, подойди.

Седьмой принц, не поднимая головы, поднялся, сопя дошел до отца и сел рядом. Он мазнул взглядом по мертвенно-бледному лицу Императора и тут же с досадой снова опустил глаза — будто если не смотреть на немощь отца, все ужасное не случится.

Император протянул седьмому принцу верительную бирку, забранную у третьего принца:

— Сбереги ее.

Седьмой принц не шелохнулся.

Императору оставалось лишь вздохнуть и отложить верительную бирку, давая младшему сыну время осмыслить происходящее.

На пороге угасания жизни прежние сомнения и тревоги Императора резко обострились. В этот миг он свято уверовал в пророчество тетушки По — не только из почтения к воле Небес, но и потому, что в безвыходном положении ее совет подсказал ему совершенно иной подход к выбору преемника престола.

Прежде Императора всегда подспудно беспокоило, что наследный принц по характеру скорее благородный ученый-муж, нежели властелин. Наследному принцу хватало добродетели, сыновней почтительности и верности, но не хватало хладнокровия и изощренных политических ухищрений, необходимых для общего блага. Такой человек больше годился для службы, а не для правления государством.

Как казалось Императору, среди его сыновей четвертый обладал нужной долей хладнокровия и широтой взгляда, умел терпеть и ловко лавировать, но ему не хватало твердости духа и истинно императорской непреклонности. Третий был слишком мелочен и бездарен. Пятый и шестой не знали жизни — им не хватало хитрости тягаться с чиновниками. О Седьмом же правитель даже не помышлял: малец всегда был лишь отрадой для души, и никто бы не помыслил связать имя седьмого принца с престолом.

Но пророчество тетушки По разрушило привычные рамки. Император вдруг осознал: характер Седьмого — это характер прирожденного государя. Мальчик мыслил совершенно своеобразно. Ему не требовалось постигать искусство властвования: он и без того оставлял сановников в неведении относительно своих мыслей, но в решающий миг неизменно принимал наилучшее решение.

Никто не знал, что у него на уме. Выглядя глуповатым, он словно понимал абсолютно все. А высший принцип правления, почитаемый венценосцами всех эпох — снаружи опираться на конфуцианство, а внутри на даосизм Хуан-Лао, — казалось, от природы был присущ его пухлому сыну.

Учение Хуан-Лао вращалось вокруг «Дао», включающего высший предел надежды — без добра и зла, всеобъемлющий и следующий естеству. Путь Неба требует от правителя отрешиться от личного «я», избавиться от предвзятости ко всему сущему, дабы чиновники, земледельцы, купцы и воины по всей поднебесной проявляли собственную волю. Без искусственных ограничений и наставлений каждый усердствует ради собственного блага, а не существует марионеткой — и государство само собой придет к процветанию.

Но на деле — разве человек не существо из плоти и крови? Кто способен смотреть на мир совершенно отрешенно? Кто способен неизменно исходить из блага целого и принимать самые выигрышные решения?

В какое-то мгновение пророчество тетушки По открыло ему глаза: его самый младший сын достиг этого состояния без малейших усилий, просто родясь с ним. Высший императорский путь, к которому сам Император стремился всю жизнь, оказался вершиной, на которой его младший сын стоял с самого рождения.

При мысли об этом все детские чудачества младшего сына предстали в новом свете. Небеса даровали ему урожденного государя!

Именно поэтому он принял столь непреклонное решение.

<http://bllate.org/book/18379/1767132>